

ВЛАСОВА В.В.

ИНСТИТУТ НАСТАВНИЧЕСТВА У КОМИ СТАРООБРЯДЦЕВ-БЕСПОПОВЦЕВ

До конца XVIII в. на территории Коми края происходило образование этнографических групп коми-зырян (1). С XVIII в. на территории Коми появляются русские переселенцы-старообрядцы (на верхней Вычегде, на Удоре, верхней и средней Печоре). Усвоив коми язык и культуру, они сохранили свои мировоззренческие установки, которые были усвоены и коми населением. Конфессиональная принадлежность значительно повлияла на образ жизни, культуру. На протяжении XVIII—начала XX вв. религиозное самосознание преобладало над этническим, что выражалось в замкнутости локальных старообрядческих групп коми. Данный факт отмечался путешественниками, исследователями, служителями церкви, посещавшими Коми край в XVIII—начале XX вв. (2).

В настоящее время ситуация изменилась. Влияние старообрядчества на культуру и быт коми населения Удоры, верхней Вычегды, верхней и средней Печоры по-прежнему велико. Однако не всегда можно говорить о локальных группах, проживающих в этих традиционно старообрядческих районах, как об этноконфессиональных. Современные жители верховьев Вашки и верховьев Вычегды, осознавая свое отличие от православных, не считают себя староверами. Они называют себя “мирскими”, считая старообрядцем того, кто ест из отдельной посуды, соблюдает все посты и запреты. Можно предположить, что произошло вытеснение понятия “старовер”, так как в 30-е годы XX в. за религиозные убеждения многие старообрядцы подвергались преследованиям. Переосмысление значения слова “старовер” не является признаком исчезновения старообрядческой культурной традиции, которая продолжает существовать. Значительную роль в сохранении и передаче традиции в общинах коми старообрядцев-беспоповцев играет институт наставничества.

При очевидном интересе со стороны исследователей, институту наставничества уделялось недостаточно внимания в литературе, посвященной старообрядчеству. В 1990-е годы были опубликованы статьи А.Н.Власова, Ю.В.Савельева, А.А.Чувьурова, посвященные биографиям наставников (3). Первая посвящена наставническому роду Рахмановых на Удоре, вторая — печорскому наставнику С.А.Мамонтову. Цель данного исследования — определить роль института наставничества в распространении, укреплении, сохранении старообрядчества в Коми крае. Обозначить механизмы функционирования данного института: передача власти, властные полномочия. В работе используются опубликованные данные, материалы архивов (Национального архива РК, научного архива КНЦ), полевых экспедиций 1999—2000 гг. на Удору и верхнюю Вычегду.

Необходимо отметить, что в районах проживания коми (зырян) получили распространение несколько беспоповских толков: на Удоре — филипповский, на верхней Вычегде — нетовский, поморский (предположение автора), на средней и верхней Печоре — поморский, со второй половины XVIII в. на средней Печоре получил распространение федосеевский толк (4). Как особый этап в истории распространения старообрядчества в Коми крае следует выделить конец XIX—начале XX вв., когда в разных районах, почти одновременно появилось странничество (истинно-православные христиане). В перечисленных толках наставникам отводилась разная роль, что было обусловлено идеологическими установками. Общим для вероучения филипповцев, федосеевцев, поморцев, странников было признание необходимости наставничества. Основной функцией наставников было совершение таинств, проведение служб. Сторонники этих согласий не признавали церковное крещение, погребение, считали, что для этого необходимы специальные люди (наставники), которые проводили обряды по “старым” книгам, так, как они проводились до исправлений Никона. Нетовщина являлась крайним вариантом решения вопроса организации религиозной жизни. Оказавшись в “бедственном” положении (лишившись священства), нетовцы не допускали возможности существования наставников, имеющих право совершать таинства (5).

В настоящее время достоверно установить, каким именно об-

разом проходил выбор наставника в общинах коми старообрядцев, невозможно. Предполагаем, что первоначально, как и в других регионах России, наставники избирались общиной и утверждались с благословения старейшего. Благословение это происходило при большом стечении народа, в экстренных случаях в присутствии нескольких человек. Обряд включал положение семипоклонного начала, чтение кратких молитв и славословий (6). В 17 и 71 параграфах “Ста статей московских” указывалось, что на место наставника избирали человека “по общему совету и по отеческому благословию” (7). Кроме того, наставник мог сам выбрать и благословить преемника на это место из числа “достойных” (8). Следует отметить, что в отличие от верхневыхегодского и печорского районов, появление и распространение старообрядчества на Удоре связывают с конкретными фамилиями — крестьянина Поганева и купцов Бозовых. Поганев ездил в Москву, познакомился там с учением филипповцев, вернувшись на родину, стал активно распространять старообрядческое вероучение среди местного населения. Наибольшее количество сторонников старообрядчества на Удоре приобрело после “присоединения к расколу” семьи важгортских купцов Бозовых (9). Можно предположить, что удорские наставники получали благословение в Москве или приграничных с Удорой районах проживания русских старообрядцев. Что касается верхней и средней Печоры, то здесь было велико влияние усть-цилемских наставников (например, Ефима Поздеева), которые периодически посещали этот регион. Вместе с тем известно, что существовали и местные (коми) наставники, которые также были связаны с Усть-Цильмой. В начале XX в., после смерти видного “начетчика” Василия Шахтарова, на смену ему специально готовили мальчика Ивана Мартюшева, которого обучали в скиту на р.Цильме (10). Информации по верхней Вычегде немного, однако мы предполагаем, что поморцы и нетовцы, проживавшие здесь, поддерживали контакты с центральными регионами России (с Пермской областью). Каким образом можно было сместить наставника, из доступных автору источников не ясно.

К человеку, благословляемому на должность наставника, предъявлялся ряд требований. Прежде всего они касались его образованности, нравственного облика (положение о том, что надо

“избирать достойных”). Представления о том, каким должен быть наставник, некоторые правила назначения и смещения с этой должности, дает письмо М.В.Бозова, который ссылается на постановления соборов и другие “старые” книги. “Как мне видно из книги Кормчей, иже вновий кесары Св. Всеипивского Собора Гл. 4 на листу 55 на обороте наставнику надо быть сведущему и грамотному об писания. Аще и грешен будет да не отлучен того же Собора правило 13 на листу 65 и 66 подтверждает без согласия того местного наставника или настоятеля — преоды бывшего сведущего писания грамотного без его воли никто не может поставить другого наставника Сордийского Собора правила все подтверждают тоже: Аще кто иссведующих людей несведущего поставляет наставника они за то на себя грех примут о сем свидетельствует правило 71 и 73 на листе 145 ... Небыти никому наставником или причетником непонимающих хитрости писания ... Кто грамоту знает тому и надо повиноваться. Да не будет нога главой а глава ногой ” (11).

Показательно, на наш взгляд, представление о том, кто мог стать наставником. Как правило, это были мужчины. Упоминания о женщинах-наставницах, которых называли “попадья”, крайне редки. В 1855 г. в рапорте, где перечисляются керчомские наставники (верхняя Вычегда), упоминается Марфа Воробьева, помимо нее четверо мужчин (12). В статьях поморцев сказано “с женским полом настоятелем и прочим братьям советов в церковных делах не имети” (13).

В настоящее время процедуры выбора и утверждения наставника у коми староверов не существует. Для обозначения наставников используют термины юровей, юр нуцдысь (удорское), молитчись баб (верхневыхегодское, удорское) отче (печорское). В большинстве сел наставниками являются пожилые женщины (за 60 лет). Желательно, чтобы наставница была вдовой, знающей церковнославянский, богослужебную литературу. Главная обязанность наставницы — исполнение таинств. Для того, чтобы совершать их, она должна соблюдать ряд правил: если есть муж, перед исполнением таинств (крещение, погребение) она должна воздерживаться от интимной близости. Наставница не избирается. После гонений, которым подверглись староверы в 30-е годы XX в., крестить, погребать было опасно. Вероятно, эти обязан-

ности взяли на себя наиболее грамотные женщины, с молчаливого согласия всей общины. Известно, что наставница с.Пучкома М.И.Палева в 1960-е годы возобновила контакты со старообрядческой общиной в Москве, после ее смерти общину возглавила сестра А.И.Сивкова, которая по ее словам, получила благословение (крестить и погребать) от наставника старообрядческой общины г.Сыктывкара. Зачастую наставницами становятся представительницы одной семьи. Для наставниц удорских старообрядческих общин характерно стремление подчеркнуть свою связь либо с известными наставническими фамилиями, либо с родом, большинство представителей которого были “молящимися”, “знали веру”. Обычно наставница сама готовит себе смену: из пожилых женщин выбирает 2—3 человек, которых учит читать “старые книги”, правилам проведения обрядов.

В старообрядческой культуре вопросы веры стояли на первом месте. Человек, возглавлявший духовную жизнь общины, являлся и ее неофициальным главой. Наставник в общине коми старообрядцев не только исполнял таинства, но был советчиком в делах личных и общественных. Интересен в этом случае пример удорского наставника Бозова, который, по словам епархиального миссионера, “держал в своих руках весь филипповский раскол Удоры и силой своего нравственного авторитета, и своим капиталом” (14). Именно за наставниками велось пристальное наблюдение и со стороны церкви, и со стороны государства. В их деятельности видела угрозу и советская власть, что привело к репрессиям, арестам. Воспоминания об этом периоде по-прежнему являются одной из главных тем разговоров. Как человек, наделенный особыми полномочиями, наставник привлекает к себе внимание и со стороны единоверцев. Его поведение обсуждается членами общины, которые отмечают любое неосторожное слово или действие. При этом даже если поведение наставника не соответствует идеальному, никаких замечаний наставнику не делается. Хорошим примером является упоминание миссионера о том, что среди печорских староверов обсуждалось то, как совершает поклоны при исполнении обрядов Е.Чупров. При положении поклонов он “растопыривает колена”, что, по представлениям печорских староверов, является большим грехом. Однако это никак не влияло на авторитет наставника в целом (15).

Отношения между наставниками на Удоре в настоящее время можно назвать дружескими, они обращаются друг к другу за советами. Подобная ситуация была не всегда. В конце XIX в., из-за разногласий между наставниками на Удоре появилось несколько толков, сторонников которых называли по фамилиям наставников: бозовы, рахмановы, сазоновы, южины; на Печоре возникли “изосимова” и “гаврилова” веры. К началу XX в., после смерти наставников, большинство общин удорских староверов признали главенство Бозова. Удорские наставники действовали под руководством М.В.Бозова, каждый имел свой небольшой округ, состоявший из 2—3 деревень (16). Однако противоборство продолжалось, о чем свидетельствуют письма, отправленные Бозовым полицейскому уряднику. В этих письмах он просит запретить А.Скоморокину крестить, так как последний не знает грамоту и несведущ в писании. Он также утверждает, что против него составлен заговор с целью лишить его должности наставника. В число заговорщиков входят: важгортский крестьянин М.Ф.Лукин, крестьянка из д.Острово Евдокия Созонова, А.Скоморокин и др. (17). Что касается Печоры, то здесь было велико влияние приезжих проповедников, которые и благословляли на должности наставников кого-либо из местных “старцев” (18), что являлась стабилизирующим фактором. Взаимоотношения между наставниками являлись серьезной проблемой, требовавшей разрешения. На проходивших в XVIII, XIX вв. старообрядческих соборах были сделаны попытки выработать и официально закрепить ряд правил: “Пребывати настоятелям между собой мирно и любовно ... в недостатках настоятели друг друга не проявляти ... свою паству более смотрети и судити, другие же паствы не судите”, — эти пункты вошли в “Сто статей московских поморского согласия” (19).

С конца XIX в. на территории Коми края появляется странничество. Широкое распространение оно получило на Печоре и Удоре. Старообрядцы рассматривали странничество как подвиг. Документы позволяют говорить, что между старообрядческими наставниками и руководителями странников на Удоре существовали разногласия. Так, Бозов в беседе с миссионером “бранил странников с их учением о необходимости ... скрыться в пустыню” (20). Даже полицейские чины отмечали, что в тех селениях, где действуют сильные старообрядческие наставники, скрытни-

кам не удавалось завоевать сторонников. Так, в 1909 г., руководитель удорских скрытников П.Ильин устроил собрание в д.Вильгорт с целью привлечь филипповцев на свою сторону, что ему не удалось (21).

Распространение среди коми населения старобрядчества привело, помимо прочего, к возникновению функционального (культурного) двуязычия. Языком богослужения был и остается русский, языком повседневного общения — коми. Русский язык воспринимался как неотъемлемая часть веры. Однако большинство жителей края не знало русского языка (22). Подобная ситуация сохранялась и до начала XX в. (23). Это позволяет предположить, что наставник не только читал текст, но и переводил наиболее важные (по его мнению) моменты на коми язык. О подобных явлениях на Удоре и Печоре сообщают А.А.Чувьуров, А.Н.Власов, Ю.В.Савельев (24). Вероятно, это было характерно и для верхней Вычегды. Таким образом, наставник являлся интерпретатором священных текстов, что повышало его статус в глазах рядовых членов общины. Для большинства верующих многие отвлеченные вопросы учения были непонятны, это относится не только к коми старообрядцам, но к верующим вообще.

Власть наставника держалась на личном авторитете, который во многом основывался на знании наставником священных книг, а иногда и на его капитале. В этой связи заслуживает особого внимания замечание пристава Яренского уезда о том, что “наставники способны держать свою невинную паству под настоящею кабалою, эксплуатируя невежественность ея и суеверие, они запугивают ее всевозможными способами. Даже не брезгают в данном случае приписывать себе чуть ли не сверхъестественную силу” (25). В статье А.А.Чувьурова также упоминается, что о печорском наставнике С.А.Мамонтове говорили как о “тцдысь” (знающем). В низовьях Вашки широко распространены рассказы о наставниках, которые могли лечить, заговаривать болезни, снимать порчу. Информаторы на Удоре и на Печоре указывали, что при лечении наставники использовали молитвы, а не заклятия (ним кыв), которые использовали в своей практике колдуны (еретники). В с.Чупрово лечением занимается не сама наставница, а ее сестра, которая крестит детей. В своей практике она использует не только молитвы, но и заговоры (как правило, на русском). Здесь, на первый взгляд, мы сталкиваемся с казалось бы

несовместимыми вещами: наставник, который должен следить за “чистотой веры”, пресекать проникновение “языческих” элементов (ворожбы), является носителем “тайного” знания (тшдысь). Подобная ситуация была характерна для Удоры, верхней Вычегды, Печоры. В коми старообрядческой среде происходило удваивание сакральности фигуры наставника. Он не только являлся носителем книжного знания, посредником между богом и людьми, совершал таинства, но обладал (по представлениям верующих) знанием, имеющим более древние корни. С одной стороны, оно было более понятно, более реально (было связано с традиционной коми культурой), с другой стороны, внушало страх, который иногда был сильнее страха перед Богом. Подобное явление было не характерно для странничества, где “ворожба рассматривалась как один из тягчайших грехов” (26).

Насколько важен институт наставничества, показывает ситуация, сложившаяся на верхней Вычегде. Здесь наставничества как института уже не существует. В 1932 г. в с. Нижняя Воч умер наставник Е.Н. Касев, после смерти которого староверов поддерживали наставники из с. Керчомья. В 1960-е годы группа староверов, возглавляемая наставницей Е.П. Гилевой, приняла православие. Пожилые женщины еще помнят некоторых наставников, например, Карп Ивана, у которого был моленный дом. Такая ситуация сложилась в данном регионе не случайно, в значительной мере она обусловлена религиозной практикой нетовцев. Они принимали крещение в официальной церкви без изменения, как необходимость. Они считали это крещение “нечистым”, потому что оно проводилось по новым книгам. Для очищения был выработан специальный обряд, который и проводил наставник, исповедь они рассматривали не как таинство, а как взаимный долг (27). Подобные допущения привели к тому, что большинство староверов приняли официальное православие. Кроме того, этот факт подтверждает предположение о том, что институт наставничества был важным элементом в механизме сохранения и трансляции старообрядческой культуры.

Несмотря на высокую степень организации наставничества, в сравнении с верхней Вычегдой, на Удоре и Печоре, на территории Коми края официально не было зарегистрировано ни одной коми общины старообрядцев-беспоповцев. В начале XX в. на

Удоре было предпринято несколько попыток официально избрать и зарегистрировать наставника, которые ни к чему не привели. Между верующими и наставниками начинались споры, заканчивавшиеся чуть ли не драками (28). Избрание и официальная регистрация наставника лишали остальных права на совершение таинств. Положение наставника в таком случае было подобно положению священника: он не мог посещать удаленные деревни. Как известно, именно удаленность большинства коми деревень от церквей, невозможность из-за бездорожья попасть в некоторые селения рассматривались церковными властями как главные причины распространения старообрядчества (29). Деятельность нескольких наставников на определенной территории (иногда в каждом селе) позволяла им контролировать свою паству. Можно предположить, что трудности с выбором наставника были связаны с защитными механизмами, действующими в рамках культуры коми староверов, которые позволяли сохранять традицию, препятствовали ее угасанию.

Таким образом, можно констатировать, что институт наставничества был воспринят коми старообрядцами-беспоповцами. Он представляет собой гибкую, развивающуюся систему, способную приспособливаться к реалиям современной жизни (например, смена наставников-мужчин женщинами). Наставник в общинах коми староверов являлся духовным лидером, авторитетом в личных и общественных делах, “обладателем” сакрального знания. В настоящее время в ряде сел именно у наставников сосредоточены “старые” книги. В с.Пучкома (Удора) наставница является последней представительницей известного наставнического рода Рахмановых, она не только хранит коллекцию рукописных книг, но и является носителем родовой памяти: прекрасно знает родословную, историю практически всех семей села (30). Как и раньше, большинство наставников весьма образованны. В XIX в. это отмечают епархиальные миссионеры, об этом свидетельствуют письма наставника Бозова, в которых каждое предложение подтверждается ссылкой на постановления различных Соборов, на писание. Современные наставники знают старославянский, читают литературу религиозного содержания. Сейчас их роль как главных знатоков книжного знания несколько снизилась, что связано с всеобщей грамотностью, распространением новых церков-

ных книг (Библий, псалтырей и др.), которые приобретают в церквях. Институт наставничества у коми староверов сохраняется, однако он стал более аморфным, в ряде регионов сохраняется лишь в силу традиции. Как и раньше, важную, если не определяющую, роль играет личность наставника. Люди, способные повести за собой общину, внушить своим последователям веру, выделяющиеся исключительными качествами, встречаются редко. О них ходят легенды спустя годы после их смерти. Примером тому могут служить рассказы о С.А.Мамонтове на Печоре, М.В.Бозове, М.И.Палевой на Вашке. Большую роль в возрождении интереса к старообрядчеству среди коми (зырян) играет интерес к нему со стороны современных исследователей.

Хочется отметить, что данная работа является первой попыткой рассмотреть наставничество как некий институт в рамках культуры коми староверов-беспоповцев. Многие вопросы, затронутые здесь, заслуживают более детального рассмотрения. Дальнейшее их изучение является одной из перспективных задач, стоящих перед исследователем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Традиционная культура народа коми. Этнографические очерки. Сыктывкар, 1994. С.40.

2. Засодимский П.В. Лесное царство // В дебрях Севера. Русские писатели XVIII—XIX веков о земле Коми. Сыктывкар, 1999. С. 99—173; Поездки Вологодского епархиального миссионера. На Удоре // Вологодские Епархиальные ведомости. 1903. №2. С.147—154; Отчет о деятельности Вологодского Православного Братства во имя Всемилостиваго Спаса за 11-й год существования. Вологда, 1897. С.21—23.

3. Власов А.Н., Савельев Ю.В. Некоторые проблемы генезиса старообрядческой культуры Удоры (по материалам археографических экспедиций Сыктывкарского университета) // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С.105—111; Чувьуров А.А. Из жизни наставника Самарина // Родники пармы. Сыктывкар, 1996. Вып.6. С.313—314.

4. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978. С.168—181.

5. Белоусов А.Ф. Из заметок о старообрядческой культуре: "великое понятие нужды" // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979.

6. Смирнов П.С. История русского раскола старообрядства. Спб., 1895. С.96.
7. Кельснев В. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1862.
8. Там же. С.209.
9. Поездки Вологодского епархиального миссионера. На Удоре // Вологодские епархиальные ведомости. 1903. №2. С.147—154.
10. Из дневника Вологодского епархиального миссионера. В Печерском крае // Вологодские епархиальные ведомости. 1904. №14. С.361—366.
11. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф.7. Оп.1. Л.6.
12. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф.796. Оп.135. Д.308. Л.34.
13. Кельснев В. Указ. соч. С.209.
14. Поездки Вологодского епархиального миссионера. На Удоре. С.148.
15. Из дневника Вологодского епархиального миссионера. В Печорском крае. С.364.
16. Поездки Вологодского епархиального миссионера. На Удоре. С.147—154.
17. НАРК. Ф.7. Оп.1. Д.304. Л.6.
18. Чувьуров А.А. Указ. соч. С.313—314; Из дневника Вологодского епархиального миссионера. В Печорском крае. С.361—366.
19. Кельснев В. Указ. соч. С.209.
20. Поездки Вологодского епархиального миссионера. На Удоре. С.147—154.
21. НАРК. Ф.7. Оп.1. Д.304. Л.39.
22. ЦГИА. Ф.1281. Оп.4. Д.12. Л.5.
23. Отчет о деятельности Вологодского Православного Братства во имя Всемилостивого Спаса // Приложение к Вологодским епархиальным ведомостям. 1891. №5. С.175—190.
24. Чувьуров А.А. Указ. соч.; Власов А.Н., Савельев Ю.В. Указ. соч.
25. НАРК. Ф.7. Оп.1. Д.304. Л.79.
26. Чувьуров А.А. Народная медицина и старообрядческая традиция (по материалам исследований коми старообрядцев-беспоповцев) // Мифология и повседневность. Материалы научной конференции. Спб., 1999. Вып.2. С. 60—69.
27. Кельснев В. Указ. соч. С.11
28. НАРК. Ф.7. Оп.1. Д.304. Л.79.
29. Отчет о деятельности Великоустюжского Православного Стефано-Прокопиевского Братства за 1902—1903гг. // Приложение к Вологодским Епархиальным ведомостям. 1904. № 7—8. С.18.
30. Власов А.Н., Савельев Ю.В. Указ. соч.